

телей, расхваленных Новиковым. Тем не менее, обрушившись на «героев словаря», он включил сюда и Чулкова. Чулков и Майков объединены в послании под одной маской бездарного поэта, во что бы то ни стало снискивающего себе популярность. На Чулкова Петров обрушивается в связи со стихами «На семик» и «На качели». Они не содержали прямых намеков на Петрова, но, вполне возможно, он принял на свой счет общие замечания о высоком одическом стиле. Во всяком случае, строка «Притом из ничего он делал сіо и то» указывает, что сотня стихов длиннейшей сатиры (всего около 850 стихов) посвящена именно Чулкову, так как считать Майкова причастным к изданию журнала «И то и сьо» у Петрова не было никаких оснований.

Общий замысел «Послания к Екатерине» состоял в том, чтобы показать неприглядную картину литературной грызни и соперничества среди сумароковцев, которые при всем том вкупе дрожат под ферулой учителя.

Поскольку речь шла о дискредитации противников, об истолковании их сочинений как вещей бессмыслицы, то именно Чулков давал для этого большие возможности: стоило только сместить акценты и рассказать его поэмы как вполне серьезные произведения, не считаясь с их действительным замыслом, пренебрегая юмористическим и сатирическим тоном.

Как и другие участники литературных стычек, Петров не считает Чулкова серьезным литературным противником, с которым нужно спорить по существу. Он неопределенно упоминает о каких-то былых нападках критики на Чулкова. Что бы ни имелось в виду, важно, что, как и в полемике 1769 г., в сатире Петрова подчеркнута беспочвенность притязаний Чулкова на место в литературе, а его попытки утвердиться в ней рассматриваются как необоснованная наглость:

Коль нет стекла, окно бумагой залепляют;
Притом из ничего он делал сіо и то,
Так здесь уж (в поэмах, — В. С.) вопреки из многого ничто.
Ан все-таки видна в нем творческая сила,
Чтоб критика на то проклята ни гласила!
Сей Рифмоборнице вмиг можно рот зажать.
Как! Вдохновенника, Пророка обижать,
Что от Кастальских вод пьян ходит без просыпу,
Юродствует, блажит и мелет без посыпу.

(с. 139)

Последние стихи являются откровенной перефразировкой обращения к Музе в «Плачевном падении стихотворцев».

К этому времени Чулков практически уже ушел из литературы, полностью отдавшись служебным делам (в 1770 г. он поступил на службу в Сенат) и работе над «Историей российской коммерции».

В связи с «Историей коммерции» находится рассказ А. М. Тургенева о придворных отношениях Чулкова в 1780-е годы. Исто-